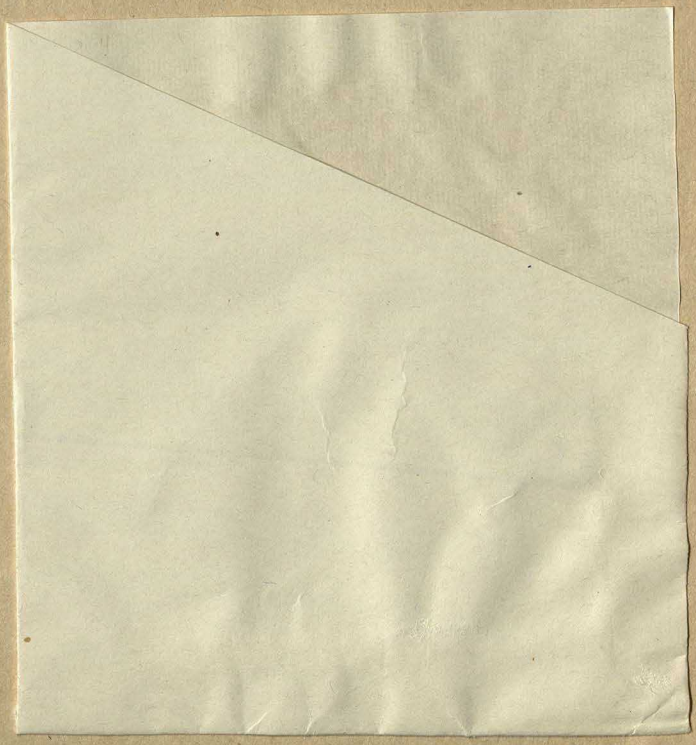
A 129/341

А 120/341

Петя-пѣтушокъ
Золотой-гребешокъ
Масляна головушка

Ф
333

Петя-Петушокъ-

Золотой-Гребешокъ-

А 129/341

Масляна-Головушка-

[Нет стр 15-16]

Шелкова-Бородушка

ПО РУССКИМЪ НАРОДНЫМЪ СКАЗКАМЪ

СОСТАВИЛЪ

А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.

Всесоюзная Научно... Библиотека НЭИ ...

СЪ ОРИГИНАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ

В. И. Андреева, Н. Д. Бартрамъ (обложка), **В. И. Комарова, А. Н. Комарова, А. А. Кучеренко, Н. Н. Николаева и др.**

Библиотека Государственного музея детской книги

1905 г.

Дозволено цензурою. Москва, декабря 13 дня 1904 года.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
ФЧ-13169
ф-15639-42.

2012402494

сф. 4334

Типо-Литографія І. И. Пашкова. Москва, Милютинскій пер., домъ Арбатской.

I. Какъ Петя-Пѣтушокъ въ лѣсу жилъ.

ЖИЛЪ-БЫЛЪ Петя-Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ-Масляна-Головушка въ темномъ бору одинъ-одинешенекъ; клевалъ, что Богъ послалъ, никого не обижалъ, жилъ потихоньку, какъ могъ, у трехъ дорогъ—на трехъ дубахъ, на шести сукахъ, солнышко красное привѣчалъ, прохожихъ окликалъ:—«Добраго пути да счастья на долгіе годы, господа-пѣшеходы!..»

Никого Петя не трогалъ, противъ лисы только зубъ держалъ,—ужъ очень она на него зарилась, шею ему свернуть хвасталась за то, что не въ пору поетъ, лисѣ спать не даетъ.

И прослышалъ Петя-Пѣтушокъ, что звѣри своего набольшаго, медвѣдя, убить хотятъ. А онъ намѣсто воеводы въ лѣсъ посаженъ былъ.

«Ахти,—думаетъ,—посадятъ тогда воеводой орла,—вотъ и будетъ намъ еще горшая бѣда!.. И медвѣдя жаль, по правдѣ сказать!»

Прослышалъ про то Петя-Пѣтушокъ, а самъ покамѣстъ—молчокъ. А какъ ночь подошла, да звѣри лютые на разбой пошли,—Петя-Пѣтушокъ къ медвѣжьей берлогѣ полетѣлъ, разбудилъ воеводу косолапаго и говоритъ:

— Вставай, Михайло Потапычъ, полно спать, надо намъ съ тобой одно дѣло обмозговать!.. Хотятъ тебя звѣри лютые растерзать!..

Только молвилъ, а звѣри изъ лѣсу и валятъ на нихъ. Всталъ мой Миша Топтыгинъ да какъ зареветъ:

— Кто сюда идетъ, кто мнѣ спать не даетъ?.. Я полгода живу, а полгода лапу сосу!.. Вотъ поднимусь, да развернусь,—лихо будетъ!.. Что, взяли?!.

Тутъ звѣрье испугалось, заворошилось, разбѣжалось кто куда, а заяцъ уши прижалъ, расплакался.

— Я, — говоритъ, — дяденька случаемъ попалъ. Дозволь лапки размять, въ лѣсъ удрать!..

И только его въ лѣсу и видѣли. Что съ зайца возьмешь?

— Ну,—говоритъ медвѣдь,—спасибо тебѣ, Пѣтушейко!.. Спасъ ты меня отъ смерти; пойдемъ къ ворожеѣ Бабкѣ-Голубой-Шапкѣ, я тебя ей подарю. Будешь ты у нея въ чести

Тутъ звѣрье
испугалось,
заворошилось,
разбѣжалось
кто куда.

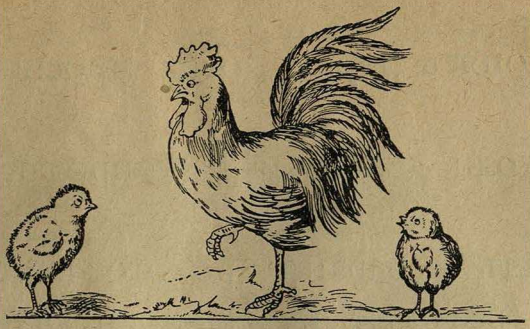
да въ холѣ жить, людямъ служить!.. А она тебя одаритъ, отъ другихъ отличитъ.

Пришли къ Бабкѣ-Голубой-Шапкѣ, а та Петю-Пѣтушка приголубила, на насѣстъ снесла, золотой гребешокъ дала,—оттого понынѣ всѣ пѣтухи ходятъ съ гребешками, щеголяютъ, своего Петю-Пѣтушка вспоминаютъ и по ночамъ чутко спятъ, да передъ солнышкомъ поютъ, перекликаются, добрымъ словомъ поминаютъ Петю-Пѣтушка.

Миша Топтыгинъ — лѣсной воевода.

II. Медвѣдь и Пѣтухъ.

Пожилъ немного Петя-Пѣтушокъ у Бабки, Голубой-Шапки, та ему, наконецъ, и говоритъ:

— Ну, Пѣтушейко, отдохнулъ ты, обжился, теперь ступай къ людямъ. Свое дѣло соблюдай, другимъ по силѣ-мочи помогай, а главное дѣло,—не забывай каждую ночь послѣ полуночи солнышко привѣчать, ку-ка-реку кричать!

И подарила ворожея пѣтуха старику-крестьянину. А у старика былъ сынъ-дуракъ. Сталъ дуракъ просить отца женить его.

— А не то,—говоритъ,—я тебѣ на смѣхъ всю печку разломаю!

— Какъ я тебя женю,—говоритъ старикъ,—у меня денегъ нѣтъ!

— А продай вола на бойню!

Услыхалъ это волъ и ушелъ въ лѣсъ,—съ вами-де пропадешь ни за грошъ.

Сталъ опять дуракъ отца просить его женить.

— А коли денегъ нѣтъ,—продай барана на бойню.

Услыхалъ и баранъ про это и тоже ушелъ за воломъ вслѣдъ,—и тутъ-де правды нѣтъ.

Вотъ, мало погодя, опять дуракъ свое плететъ, отцу покою не даетъ,—«Жени да жени его!»...

— А гдѣ я денегъ возьму?—говоритъ отецъ.

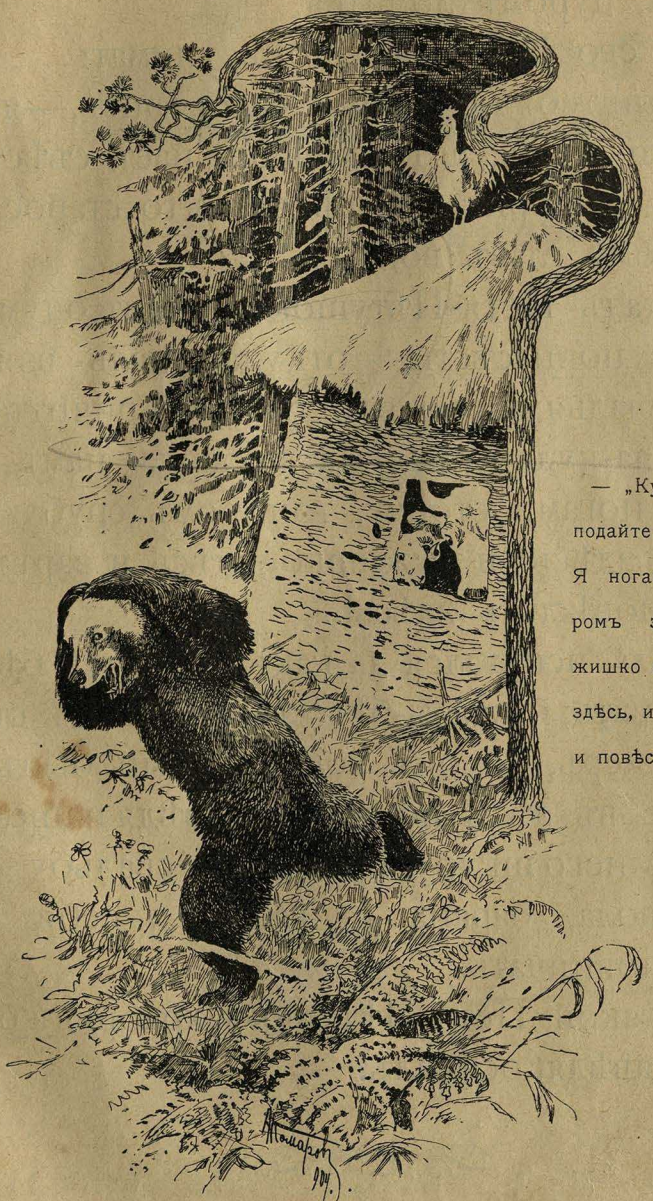
— Денегъ нѣтъ, такъ пѣтухъ есть. Заколи его, запеки въ пирогъ и продай.

Услыхалъ это Петя-Пѣтушокъ и закручинился. Повѣсилъ буйную головушку и раздумался:

— Что же-де это за горькое житье мое такое!.. Служилъ я людямъ по совѣсти, по правдѣ, по чести,—по ночамъ стражу держалъ на насѣсти, ни единожды не прозѣвалъ, солнышко привѣчалъ, народъ на работу будилъ,—а въ концѣ-концовъ вонъ чего заслужилъ... Уйду, куда глаза глядятъ,—и шабашъ!..

Вотъ и пошелъ онъ тоже въ лѣсъ. Сошлись въ лѣсу волъ, баранъ да пѣтухъ, выстроили себѣ избенку и стали въ ней жить потихоньку.

Да прослышалъ про то медвѣдь и захотѣлъ

— „Куда-куда-куда!.. Да подайте намъ вора сюда!.. Я ногами стопчу, топоромъ зарублю... И ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь и повѣсимъ здѣсь!“...

ихъ съѣсть. Привалилъ къ избушкѣ, колотитъ въ ворота, дуромъ ломится.

Сталъ его Петя-Пѣтушокъ унимать.

— Я ли тебя не жалѣлъ,—говоритъ,—я тебя отъ смерти спасъ, а ты хочешь насъ съѣсть!..

— И,—говоритъ медвѣдь,— кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ...

Заплакалъ Петя-Пѣтушокъ, а тамъ одумался, запрыгалъ по насѣсти,— откуда удаль взялась, машетъ крыльями, во всю глотку кричитъ:

— Куда-куда-куда!.. Да подайте намъ вора сюда!.. Я ногами стопчу, топоромъ срублю!.. И ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!..

Медвѣдь испугался да какъ бросится бѣжать во всю прыть; бѣжалъ-бѣжалъ, а тамъ отъ страху упалъ и умеръ,—а онъ вовсе старый былъ.

Дуракъ въ лѣсъ пошелъ, медвѣдя нашелъ,— содралъ съ него шкуру, продалъ и свадьбу справилъ, а вола, барана да пѣтуха у себя оставилъ домновничать.

Вотъ какой Петя-Пѣтушокъ храбрюга былъ, самого медвѣдя осилилъ.

III. Вотъ такъ герои!

Бѣгала, бѣгала лиса всюду, всю ночь, высуня языкъ, бѣгала, — нѣтъ нигдѣ поживы,—что хочешь, то и дѣлай!.. А ночь-то выдалась осенняя, холодная. Промокла лиса до костей, идетъ изъ гостей, не солоно хлебавши. Ѣсть хочется смерть какъ, а горю никакъ не пособишь, хоть плачь, хоть вой, да толкъ-то изъ этого пустой, голодъ не тетка!..

Вотъ прокралась лиса на деревню задами, щелкаетъ съ голоду зубами, крадется къ курамъ въ закуту. Крадется черезъ плетень еле-еле, дрожитъ, какъ бы прутышки ненарокомъ не заскрипѣли да собака не забрехала...

Прокралась лиса къ курамъ, а тѣ спятъ. Вотъ стала лиса красться на насѣсть и только, было, глупую курицу хамкнуть рѣшила, — не тутъ-то было.

Пришла Петѣ-Пѣтушку пора голосъ свой подать со двора, чтобы солнышко, не мѣшкавъ,

вставало. Онъ крыльями какъ захлопаетъ, ножками-то затопаетъ,—да во все горло крикнулъ:

— «Кукареку!»...

На что куры привычный народъ, а и то двѣ курицы не усидѣли на мѣстѣ, да обѣ вмѣстѣ и свалились съ нашести.

А у лисы духъ захватило, не удержалась и она, загремѣла съ размаху внизъ... А тутъ собака забрахала,—насилу лиса ноги унесла...

Съ перепугу лиса-то потомъ три недѣли въ лихорадкѣ лежала, поднялась и говоритъ:

— Ну, постой, пѣтушище,—я тебя ужо отдѣлаю; дай срокъ, я тебя задушу, горло перекушу да въ пирогъ запеку за твое «кукареку!»...

...У лисы духъ захватило, загремѣла сразмаху внизъ...

IV. Ошиблась лиса.

Лиса хитра, да и Пѣтушокъ уменъ. Лиса все больше норовитъ лукавствомъ взять изъ-за угла, тайкомъ,—а Петя на все идетъ прямикомъ, да напроломъ. Лиса темной ночью изъ норы идетъ на добычу, потому что лиса—разбойница, лиса—тать. А Петя-Пѣтушокъ съ полночи глядитъ на востокъ, прочищаетъ голосокъ,—чтобы солнышко встрѣтить на восходѣ, да вѣсть о немъ пустить въ народѣ... И за все, за это лису всюду гонятъ да клянутъ, а Петѣ-Пѣтушку честь воздаютъ! Съ Петей-Пѣтушкомъ и дня не прозѣваешь, всѣ деньки въ году сосчитаешь. Онъ у насъ—умственный молодецъ, красавецъ писанный, всѣмъ на зависть...

Ну, толь колиса все-таки досаду на него большую затаила и за Петей слѣдила шагъ за шагомъ...

Вотъ разъ вздумалось Пѣтушку въ лѣсъ пойти прогуляться, а лиса его стережетъ. Спряталась за кустикъ и поджидаетъ на перекресткѣ трехъ дорогъ, гдѣ всегда разгуливалъ Петя-Петушокъ...

И теперь я тебѣ добра хочу, на истинный путь направлю, въ разумѣ наставлю. Грѣшенъ ты, Петя, во многомъ, слѣзай сюда да покайся, я съ тебя грѣхи сниму и на-смѣхъ не подниму!..

Ну, пѣтушокъ, какъ самъ никогда не лгалъ, — коварной лисицѣ на слово повѣрилъ и сталъ внизъ спрыгивать съ сучка на сучокъ; а лиса только того и ждала, коготки расправила да пѣтушка-то цапъ!..

— А, попался, грѣховодникъ!.. — визжитъ. — Ты у меня теперь за все отвѣтишь, за всѣ свои худыя дѣла, что я отъ тебя перенесла!

— Ахъ, лиса, ласковы твои словеса! — говоритъ пѣтухъ. — Премудрая ты княгиня, вижу, какъ я ошибался въ тебѣ донынѣ. Такую умную красавицу на глупыхъ куръ промѣнялъ. Это все на тебя мужикъ мнѣ наклеветалъ... А теперь вотъ я и каюсь, да что́ толку!.. А ты лучше ужъ не держи на меня гнѣва. Пойдемъ со мной въ закуту, назову я тебя своей невѣстой, именитой купчихой, и зададимъ мы тамъ пиръ горой!.. Всѣхъ куръ перерѣжемъ, никого не послушаемъ, сами все скушаемъ. Заживемъ мы съ тобою въ лѣсу ладкомъ, и пройдетъ о насъ слава широкая!.. Такъ-то!.. И будешь ты

4338

Библиотека Государственного музея

у меня всегда въ холѣ, на волѣ, будешь ты у меня сытенькая да гладенькая.

Инда прослезилась лиса отъ этихъ ласковыхъ словъ, вся растаяла отъ пѣтушьей любезности.

— Ласковъ ты, Петя,—говоритъ,—пойдемъ, коли такъ, за курами, а тамъ и станемъ жить-поживать, добра наживать.

А сама лиса смекаетъ:—«Сведетъ меня пѣтушище въ закуту, а я куръ-то передушу да и его въ придачу».

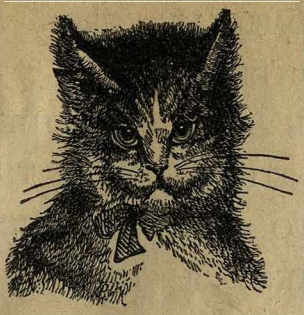
Разжала лиса лапы, а пѣтушокъ—порхъ!—на дубокъ и кричитъ ей сверху:

— Ку-ка-ре-ку!.. Ну, лиса, говорила ты, что у меня куры — дуры, а ты на себя обернись, такъ и вовсе испугаешься.

Чуть не лопнула лиса съ досады.

— Это что-жъ такое!.. — говоритъ. — Опять меня въ дуракахъ пѣтушище оставилъ!.. Ну, погоди! Не уйдешь ты отъ моихъ зубовъ!..

V. Обидѣли Пѣтушка!

ВСЕ бы ничего было жить у дурака во дворѣ, да разъ затѣялъ онъ въ праздникъ обѣдъ устроить, а стряпать кушанья-то не изъ чего.

— Ладно, — говоритъ, — а вотъ я пѣтуха зарѣжу, такъ это куда какъ хорошо будетъ!..

Услышалъ пѣтухъ и говоритъ:

— Вотъ такъ ловко!.. Я же тебѣ все дѣло устроилъ, а ты меня рѣзать хочешь?

— Да пойми, дуракъ, — говоритъ тотъ пѣтуху,—я вѣдь тебя въ пирогъ запеку!..

Ну, только пѣтушку это не особенно понравилось... Обидѣлся онъ на дурака и ушелъ въ лѣсъ, куда глаза глядятъ. А въ лѣсу встрѣтился онъ съ котомъ да бараномъ. Ну, побалакали, потолковали да и порѣшили вмѣстѣ жить. Построили себѣ шалашъ и живутъ себѣ помаленьку.

Кажется, надо бы Пѣтушку-Золотому-Гребешку быть осторожнѣй послѣ разныхъ непріятностей, анъ, нѣтъ, онъ и ухомъ не ведетъ.

Пошли котъ съ бараномъ въ лѣсъ лыки драть, котъ пѣтуху и говоритъ:

— Слушай, Петя, коли придетъ лиса да станетъ тебя въ гости кликать, — такъ ты головушки не высовывай. А то она тебя унесетъ.

— Не стану, котунюшка; я теперь ученый, — говоритъ пѣтушокъ.

Ну, хорошо. Ушли котъ съ бараномъ въ лѣсъ, а лиса и жалуетъ подъ окошечко.

— Кочетунушка, — поетъ, — а, кочетунушка, пойдемъ на гумно золотыя яблочки катать!

«Ну, — подумалъ пѣтухъ спроста, — на гумно съ ней не страшно пойти, да оно и недалеко отсюда, гумно-то». — Вотъ и высунь онъ голову изъ шалаша, а лиса только того и ждала, ухватила его и понесла.

Всплакался пѣтухъ горько, завопилъ во весь голосъ да жалобно:

Вотъ онъ котъ какъ бѣжалъ-то, даже сапожки скинулъ...

— Ой, котунюшка, котунюшка! Несетъ меня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды!..

Услыхалъ котъ, бросился вдогонку, нагналъ лису, отбилъ-таки пѣтуха, а то долго ли до грѣха?

Вотъ на-утро котъ съ бараномъ опять за лыками пошли и опять говорятъ пѣтушку:

— Ну, Петя, держи ухо востро, не гляди въ окно, не ходи на гумно. А высунешь головушку, унесетъ тебя лиса.

Только ушли они, а лиса — вотъ она, сѣла около шалаша и запѣла:

„Пѣтушокъ, Пѣтушокъ,
„Золотой-Гребешокъ,
„Масляна-Головушка,
„Шелковая Бородушка!
„Выгляни въ окошечко:
„Вотъ бояре ѣхали
„Да горохъ разсыпали,
„Его некому сбирать;
„Ты бы вышелъ поклевать!...“

«Ну,—думаетъ пѣтушокъ,—что же тутъ дурного? Даже на гумно не надо ходить, а тутъ, около шалаша, я горохъ поклюю... По крайней мѣрѣ, сытъ буду. А бояться нечего,—она меня въ гости не зоветъ, на гумно не кличетъ»...

Вотъ онъ и высунулъ голову,—ужъ очень онъ простъ былъ,—а лиса его—цапъ да и была такова.

Заплакалъ пѣтушокъ, завопилъ въ голосъ:

— Котунюшка, котунюшка! Несетъ меня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды!

Услыхалъ котикъ и на этотъ разъ пѣтушка, припустился за лисой въ догоню во всю прыть, нагналъ лису, отбилъ пѣтушка.

— Что тебѣ дома не сидится? — говоритъ ему.—Этакъ ты ни за грошъ пропадешь.

На-утро котъ съ бараномъ опять въ лѣсъ за лыками пошли, только дальше прежняго.

— Ну, — говоритъ онъ пѣтуху, — теперь я уйду вовсе далеко; придетъ лиса, не высовывай головы, а то она тебя унесетъ. И будешь кричать,—да я-то тебя не услышу.

Вотъ пришла лиса и стала пѣть:

„Пѣтушокъ, Пѣтушокъ,
„Золотой-Гребешокъ,
„Масляна-Головушка,
„Выгляни въ окошко, —
„Вотъ тебѣ съ сѣмячкомъ лепешка.
„У Карпова двора
„Есть накатана гора,
„А самой хатки
„Стоятъ санки-самокатки:
„Онѣ сами катятъ,
„Сами ѣхать хотятъ,—
„Посмотри, соколикъ!“...

«Что жъ, — подумалъ пѣтухъ, — теперь она меня никуда не зоветъ. А на такія диковинки и глянуть то лестно»...

То-то вотъ, говорю, — простъ ужъ очень онъ былъ, сударь.

Ну, само собой, только онъ носъ высунулъ, какъ лиса его — хвать и ударилась бѣжать...

И сколько пѣтушокъ ни кричалъ, сколько ни плакалъ, — котъ его выручать не пришелъ; не слышалъ онъ его.

Вернулся котъ вечеромъ, глядь, а пѣтушка — нѣтъ-какъ-нѣтъ; унесла его лиса-лиходѣйка.

Ахъ, бѣдыньки!.. Нечего дѣлать, досталъ котъ кафтанъ, красные сапожки, сумку, саблю да гусли, обрядился гусляромъ и пошелъ къ лисьямъ хоромамъ. Постучалъ въ окошечко хвостомъ и запѣлъ сладкимъ голоскомъ:

„Живи, лисенька, на здоровье
„Во своемъ подворьи
„Со своимъ золотымъ семействомъ.
„Одинъ сынокъ — Димёша,
„Другой — Климёша,
„Еще Терентьюшка,
„Еще Дементьюшка,
„Одна дочь то Чучелка,
„А другая — Подчучелка,
„Третья — Подметп-Шестокъ,
„Четвертая — Подай-Челнокъ!...

Заслушалась лиса пѣсни и говоритъ:

— Ахъ, хорошо поетъ! Слушайте дѣтки, снесите ему лепешку.

Только лисята носы высунули,—котъ ихъ и порубилъ саблей.

Вотъ лиса подождала-подождала дѣтей и говоритъ пѣтушку:

— Ступай, пѣвунъ, позови дѣтей сюда!..

Вышелъ во дворъ пѣтушокъ, глядь а это его котокъ. Обрадовался онъ страшно, чуть, было, во всю глотку «ку-ка-реку» не запѣлъ.

— Бѣги домой скорѣй!—сказалъ ему котъ, и пѣтушекъ послушался, а котъ самъ пошелъ въ избу и запѣлъ:

„Идетъ котъ на двухъ ногахъ,
„Идетъ въ красныхъ сапогахъ,
„Несетъ саблю на плечѣ,
„Палочку при бедрѣ,
„Хочетъ лису порубить,
„Зло да горе погубить!“...

Лиса, было, сунулась къ нему, а онъ ее саблей и ударилъ.

Вернулся котъ домой, сшилъ себѣ тулупчикъ изъ лисьяго мѣху да и обрядился въ него на потѣху... Вотъ какъ дѣло то было!..

«Живи, лисанька, на здоровье!»...

VI. Развеселая компанія.

Живутъ люди, а вокругъ нихъ всякое звѣрье ютится: и Петя-пѣтушокъ, и сивка-бурка, и кошечка-судомоечка, и собака-пустолаечка, и быкъ-однодумъ, и свинья-тупорылая, и баранъ.

Ну, только все это звѣрье не всегда людьми довольно бываетъ и часто жалуется на нихъ даже по сю пору, а не то что встарину.

Вотъ разъ и порѣшили звѣри въ старые годы каждый про себя отъ хозяина уйти, и шабашъ, Нечего де намъ съ нимъ больше путаться.

Вотъ идетъ себѣ быкъ-однодумъ лѣсомъ, а навстрѣчу ему баранъ.

— Куда, баранъ, идешь?—спрашиваетъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу,—говоритъ баранъ.

— Пойдемъ со мною, скорѣй найдемъ!..

— Ну, что-жъ!

Вотъ и пошли они вмѣстѣ и встрѣчаютъ свинью-тупорылую.

— Иди,—говорятъ,—свинка-золотая-щетинка, съ нами.

— Ну, что-жъ,—говоритъ та,—намъ все едино!..

Вотъ и пошли они втроемъ и встрѣчаютъ гуся, — и такого же, какъ они, горюна, вотъ который отъ зимы лѣта ищетъ. Прихватили и его въ свою компанію.

Идутъ они, а навстрѣчу имъ степенно, хвостъ распустивъ, самъ сударь Петя-Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ-Масляная-Головушка-Чесана-Бородушка выступаетъ.

— А, свѣтъ-Горланычъ! Куда идешь, куда путь держишь?

— Да что, братики, — ку-ка-ре-ку вамъ!.. Тошно мнѣ жить стало у нашего хозяина. А иду я куда глаза глядятъ, отъ зимы лѣта ищу.

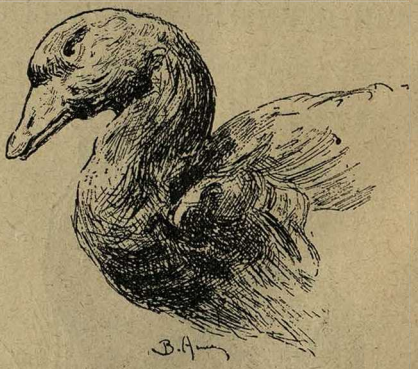
— Вонъ оно что!.. Такъ иди съ нами!

— Ну, что-жъ, я согласенъ.

Вотъ идутъ они впятеромъ да между собой разговоры разговариваютъ.

— Какъ теперь быть, братцы?— говорятъ. —Время приходитъ холодное; въ лѣсу стыдь стоитъ. Гдѣ намъ тепла искать, чтобы кости согрѣть?..

— Да давайте, ребята, избу себѣ выстроимъ,—говоритъ быкъ,— и любехонько! Лучше чѣмъ у хозяина въ закутѣ сидѣть!.. А то и впрямь зимою за милую душу перемерзнемъ.

— Чего тамъ! — говоритъ баранъ.— Очень нужно: у меня шуба теплая, видишь, какая шерсть. Я и такъ перезимую. Никакой морозъ меня въ моей шубѣ не прохватитъ.

— По мнѣ, какіе морозы ни будь, мнѣ все едино! — говоритъ свинья. — Я закопаюсь въ землю и такъ перезимую.

Гусь говоритъ;

— А я сяду подъ елочку, одно крыло постелю, другимъ одѣнусь,—никакой холодъ меня не проймет. Я и такъ перезимую.

— Да и я тоже!—сказалъ пѣтухъ— Сколько разъ, бывало, на деревнѣ я по суткамъ на морозѣ мерзъ, и все ничего!.. Намъ не привыкать стать!..

Видитъ быкъ, что дѣло плохо, приходится одному за работу приниматься, одному за всѣхъ хлопотать.

— Не ладно, друзья-товарищи,—говоритъ,— Чуть что не по васъ, вы и врозь. Ну, да вы какъ хотите, а я стану избу строить.

Ну, хорошо. Принялся быкъ за дѣло, живо избушку себѣ построилъ и живетъ себѣ въ ней, припѣваючи.

Пришла зима сѣдая, осыпала лѣсъ инеемъ, стукнула морозами, навела мостовъ хрустальныхъ надъ рѣками, озерами,—стало жутко-холодно.

Пробрало барана до костей, нечего дѣлать, идетъ къ быку, рожками въ дверь стучится.

— Тукъ-тукъ!.. Пусти, братецъ, обогрѣться.

— Нѣтъ, братецъ, у тебя и такъ шуба тепла!—говоритъ быкъ.—Не пущу.

— А коли не пустишь,—обидѣлся баранъ,—разбѣгусь я да лбомъ бревно изъ стѣны вышибу, а то и всю дверь!.. Тебѣ же холоднѣе будетъ.

Словомъ, поставилъ вопросъ ребромъ. Подумалъ быкъ, подумалъ: — «Вѣрно; лобъ у барана—ухъ какъ крѣпокъ! Пущу ужъ лучше его, а то онъ и меня, пожалуй, заморозитъ».

И пустилъ. А свинья тоже прозябла, да и прослышала про эту исторію, пришла къ быку и говоритъ:

— Ты меня лучше добромъ пусти, а не то я рыломъ всѣ столбы у тебя подрою, всю твою хибарку на-бокъ сворочу!

Вотъ, не угодно ли! Ну, что прикажешь съ ней дѣлать?

— Иди, хавронья!..

Ну, а ужъ свинью пустилъ, какъ же ты другихъ пріятелей отвадишь? Гусь вонъ обѣщается

всю конопатку изъ стѣнъ повыдергать, а пѣтухъ—съ потолка землю сгрести.

Такъ и поселились у быка гусь съ пѣтухомъ.

Ну, хохошо, собралась вся эта развеселая компанія и стала жить-поживать, добра поджидать въ холѣ да въ теплѣ.

Отогрѣлся пѣтушокъ, зачалъ пѣсенки распѣвать, быка величать:—«И такой-то быкъ, и этакій-то быкъ!..»

Услыхала лиса пѣтуха и рѣшила полакомиться. Пошла къ волку да къ медвѣдю и говоритъ:

— Ну, куманьки любезные, нашла я для всѣхъ насъ поживу изрядную. Для тебя, медвѣдь, быка; для тебя, волкъ, барана, а себѣ гуська да пѣтушка, только и всего...

Вотъ привела лиса ихъ къ избушкѣ и говоритъ медвѣдю:

— Отворяй, куманекъ, дверь, я напередъ пойду да пѣтуха скушаю!

Вышибъ Миша дверь разомъ, лиса въ избушшмыгнула, а пѣтухъ быку и завопилъ:

— Прижми ее къ стѣнкѣ рогами!..

Быкъ только прижалъ,—изъ лисы и духъ вонъ.

Ждали-ждали волкъ съ медвѣдемъ лису, сталъ и ихъ голодъ разбирать.

— Что это она такъ долго съ пѣтухомъ возится?—ъоворитъ волкъ.—Отпирай, братъ Топтыгинъ, дверцу! Меня голодъ разбираетъ!..

Медвѣдь высадилъ дверь, а волкъ и сунулся въ избушку. Только быкъ не плошалъ и его рогами къ стѣнкѣ прижалъ.

Ждалъ-ждалъ Мишка волка, и зло его взяло.

— «И чего онъ до сихъ поръ съ бараномъ сладить не можетъ?—думаетъ.—Семка, пойду я!..»

Да только морду сунулъ въ дверь,—какъ пѣтухъ завопитъ:

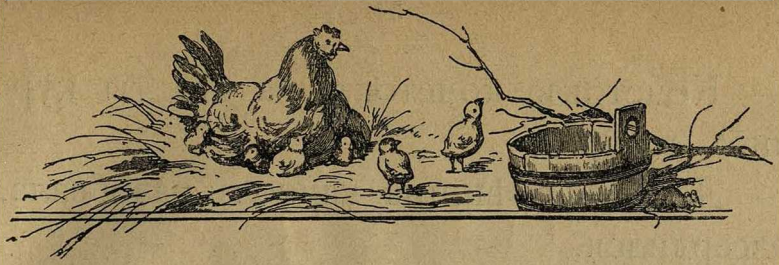
— Ку-ка-ре-ку!.. Вотъ онъ смутьянъ, — бей его чище, во все топорище!..

А тутъ баранъ разбѣжался да лбомъ медвѣдя тукъ, — инда Мишка обезпамятѣлъ, хвостикъ поджалъ да въ лѣсъ безъ оглядки...

Ну и ребятки! Постояли за себя горой, и пѣтухъ хоть куда—герой!.. Распѣлся на радостяхъ такъ, что и не унять!..

Вотъ и остались звѣри жить да поживать, а Пѣтя-Пѣтушокъ сталъ ихъ сказками забвлять да свое пѣтушиное званіе расхваливать.

Со скуки-то отчего не послушать, — звѣри рады-радехоньки!.. Не угодно ли и вамъ тоже послушать пѣтушьи росказни?..

VII. Сказъ про сердитаго пѣтушка.

ЖИЛИ-БЫЛИ тихо да мирно курочка да кочетокъ. Ну, хорошо. Пошли они въ рощу по орѣхи; кочетокъ на орѣшину взобрался, рветъ орѣхи да на землю кидаетъ, а курочка внизу стоитъ да ихъ подбираетъ.

И все бы ничего было, да разорвалъ кочетокъ объ орѣшню камзольчикъ, разсердился да въ сердцахъ, не глядя, бросилъ орѣшникъ, какъ попало, да курѣ-то глазокъ и вышибъ.

Заплакала курочка, пошла домой. Идетъ, а навстрѣчу ей бояре ѣдутъ. Остановились они на дорогѣ и спрашиваютъ курочку:

— Что ты, курочка, плачешь; о чемъ, красная, горюешь?

— Да вотъ мнѣ кочетокъ вышибъ глазъ, господа бояре!

Кликнули бояре кочетка.

— Кочетокъ, кочетокъ, за что ты курочкѣ вышибъ глазъ?

— Да мнѣ орѣшина камзолъ разорвала, а я и разсердился.

Пошли бояре къ орѣшинѣ,—люди-то досужіе были...

— Ты зачѣмъ, орѣшина,—спрашиваютъ,—кочетку камзолъ порвала?

— Да меня козы обглодали, я и разсердилась.

— Эхва!—говорятъ бояре,—козы виноваты, а кочетку попало! А вы, козы, зачѣмъ орѣшину обглодали?

— Да насъ пастухи не берегутъ, травки пощипать вволю не даютъ!—говорятъ козы.

— Пастухи, а вы почто козамъ ѣсть не даете?

— Да съ сердцовъ, господа бояре,—отвѣчаютъ пастухи,—насъ хозяйка никогда блинами не покормитъ.

Пошли бояре къ хозяйкѣ, стали ей выговаривать:

— Хозяйка, отчего ты пастухамъ блиновъ не даешь?..

— А гдѣ жъ ихъ взять? У меня опару свинья пролила.

— Эхъ, дѣло то какое! Свинья, а ты зачѣмъ опару пролила?—дивятся бояре.

— Да съ обиды, господа хорошіе, потому какъ у меня волкъ поросеночка унесъ!

— Н-ну, дѣла!.. Волкъ, а волкъ! Ты зачѣмъ у свиньи поросеночка унесъ?

— Да ѣсть захотѣлъ!..

Ну, тутъ бояре и руками развели. Пошла у нихъ голова кругомъ, пошептались другъ съ другомъ, сѣли на коней да и погнали домой поскорѣй.

Вонъ оно какъ зло-то расходится. Пойди его, удержи. А одному бы сердце свое сдержать, да досадѣ воли не давать, и горя не было.

VIII. Опять пѣтушокъ попался!

ХОДИЛЪ-ходилъ, леталъ-леталъ съ елки на елку пѣтушокъ и проголодался. Шелъ лѣсомъ старикъ, увидалъ пѣтуха, снесъ его домой и говоритъ ему:

— Живи у меня!.. Только безъ меня ты дома сиди, никуда не выходи, а то лиса придетъ и унесетъ тебя. Она таковская...

А у старика былъ котикъ - котокъ - Сизый - Лобокъ. Подружился котъ съ пѣтушкомъ, и зажили они душа въ душу, и порѣшили другъ за друга горой стоять.

Вотъ пошелъ разъ старикъ съ котомъ въ лѣсъ на работу, а пѣтуха оставили избушку стеречь.

Только ушли, а лиса — вотъ она! Подошла къ окошечку и запѣла:

„Пѣтушокъ-Пѣтушокъ
„Золотой-Гребешокъ,
„Сметаный-Лобокъ
„Масляна-Головушка,
„Чесана-Бородушка,
„Выгляни въ окошко,
„Дамъ кашки немножко
„На красной, на ложкѣ!“...

Любопытство взяло пѣтуха, — на какой-де ложкѣ лиса ему каши подастъ; выставилъ онъ окошко, высунулъ головку немножко, посмотрѣть, кто это поетъ, а лиса схватила его въ когти и понесла къ себѣ...

Забился пѣтухъ, закричалъ благимъ матомъ:

— Старичокъ, старичокъ!.. Несетъ меня лиса, за темные лѣса, въ страны далекія, за моря широкія, въ чужія земли, за тридевять земель, въ тридесятое государство. Добрый старичокъ, отними меня!

Хоть и далеко былъ старикъ, а услыхалъ вопли пѣтушиные. Бросился въ погоню, нагналъ лису, отбилъ пѣтушка и принесъ въ лѣсную хатку.

— Ну, смотри, — говоритъ, — Петя-Пѣтушокъ, не выглядывай въ окошечко, не вѣрь

лисѣ-лиходѣйкѣ, не то съѣстъ она тебя и косточекъ не оставитъ!..

— Не буду, дѣдушка...

Вотъ ушелъ опять старикъ въ лѣсъ на работу, а пѣтушку наказалъ домъ стеречи, сидѣть на печи, въ окошко не выглядывать.

А лиса малость подождала и опять свою пѣсенку заводитъ:

„Пѣтушокъ-Пѣтушокъ,
„Золотой-Гребешокъ,
„Сметаный-Лобокъ,
„Масляна-Головушка,
„Чесана-Бородушка,
„Выгляни въ окошечко,
„Бары ѣдутъ,
„Колокольчиками звенятъ,
„Деньгами дарятъ“.

Только пѣтухъ — себѣ на умѣ, ходитъ по избушечкѣ и молчитъ. Вотъ лиса подождала-подождала и новую пѣсенку завела:

„Кукареку, Пѣтушокъ,
„Золотой-Гребешокъ,
„Выгляни въ окошко,
„Дамъ тебѣ горошку,
„Дамъ и зернышекъ!“...

А сама пригоршню гороху и бросила въ окно. Съѣлъ пѣтушокъ горохъ и говоритъ:

— Нѣтъ, лиса, шалишь, больше ты меня не обманешь! Ты хочешь меня съѣсть да и косточекъ не оставить!

— Полно ты, Петя-Пѣтушокъ, стану ли я тебя ѣсть? Хочется мнѣ только, чтобы ты у меня погостилъ, о моемъ житьѣ-бытьѣ посудилъ, на мое добро поглядѣлъ, только и всего!

Пѣтухъ выглянулъ, было, въ окошко, а лиса его—цапъ, и дѣло съ концомъ.

Закричалъ пѣтушокъ благимъ матомъ:

— Старичокъ, старичокъ!.. Несетъ меня, пѣтуха, лиса за дремучіе лѣса, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ. Хочетъ съѣсть всего до косточекъ, и косточекъ не оставить!

Услыхалъ его вопли старичокъ въ полѣ, пустился въ догоню, нагналъ лису, отбилъ у нея пѣтушка и принесъ домой.

— Говорилъ я тебѣ, Пѣтушейло, не открывай окошка, не выглядывай на дорожку, не то съѣстъ тебя лиса и косточекъ не оставитъ. А ты все свое. Смотри, слушай меня; мы завтра далеко уйдемъ и тебя не услышимъ.

Вотъ на утро старикъ пошелъ на работу въ лѣсъ за дровами, а лиса—ужъ тутъ какъ тутъ. Подкралась подъ окошко и ту же самую пѣсенку пѣтушку пропѣла.

Молчитъ пѣтухъ, сидитъ въ углу, самъ—ни гу-гу.

— Что ты, Петя, али нынче совсѣмъ онѣмѣлъ?—спрашиваетъ лиса.

А пѣтухъ ей въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, лиса, теперь шабашъ: не обманешь меня больше; ужъ теперь я не выгляну въ окошко!

Лиса кинула въ окно горсточку горошку, да горсточку пшенички и запѣла:

„Кукареку, Пѣтушокъ,
„Золотой-Гребешокъ,
„Масляна-Головушка,
„Выгляни въ окошечко.
„У меня хоромы большія:
„Въ каждомъ уголо́чкѣ
„Пшеничка въ мѣшочкѣ,
„Ѣшь—не хочу!“

— Эхъ, посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей!.. Не вѣрь старику; кабы я тебя съѣсть хотѣла, я бы съ тобой зря не болтала. А то я тебя хочу уму-разуму научить, бѣлый свѣтъ тебѣ показать... Ну, покажись, ясный, а я вотъ за уголъ зайду.

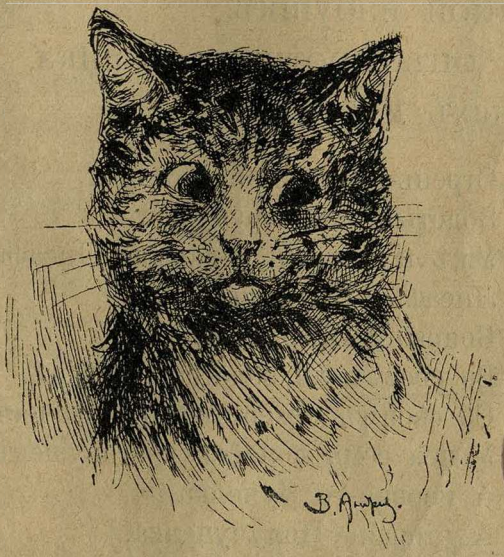
Пѣтушокъ опять и повѣрилъ, ужъ очень онъ довѣрчивый былъ и лгать не любилъ. Вскочилъ на лавочку да въ окошко и высунулся.

А лиса — цапъ-царапъ, ухватила его и тащитъ домой.

Завопилъ пѣтухъ благимъ матомъ, да старичокъ ужъ очень далеко былъ и не слыхалъ его.

А лиса унесла пѣтуха за ельничекъ, за березничекъ, на опушку въ свою лисью избушку, гдѣ у ней семь дочерей крохотныхъ жило, да пѣтушка имъ и подарила...

Пришелъ домой старичокъ,—нѣтъ пѣтуха, и шабашъ. Потужилъ онъ, погоревалъ съ своимъ котикомъ единственнымъ, да дѣлать было нечего.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА

IX. Выручили пѣтушка.

Прошелъ денекъ, подумалъ старикъ, подумалъ и говоритъ коту:

— Что, котъ, какъ-ни-какъ, а лисѣ не слѣдъ потачки давать; надо идти пѣтуха выручать.

Вотъ обрядился онъ гусляромъ, взялъ гусельки-самогуды и пошелъ лѣсомъ вдоль опушки, къ лисициной избушкѣ.

Сталъ онъ противъ окошка, затренькалъ на гуселькахъ и запѣлъ:

Стрень-брень, мои гусельки,
Золотыя мои струнушки.
Ужъ и дома ли сударыня Лисафья,
Лисафья Ивановна,
Боярыня Патрикѣевна,
Во своемъ ли золотомъ гнѣздѣ,
Со своимъ семействомъ благочестнымъ?..
У нея семь дочерей красавушекъ:
А первая-то Чучелка,
А вторая—Получучелка,
А третья—Подай-Челнокъ,
А четвертая—Мети-Шестокъ,

Пятая—Трубу-Закрой,
А шестая-то—Подай-Пирожокъ,
А седьмая—Зажми-Кулачокъ!..
Ужъ и нѣтъ другихъ такихъ краса-
вушекъ,
За работой имъ—не до забавушекъ...
А сама Лисафья—первая работница,
Горедольная заботница,
И за то мы ей славу поемъ,
Боярынѣ Патрикѣевнѣ честь воздаемъ!

— Ахъ,—говоритъ лиса,—вотъ какой добрый старичокъ. Подай ему, Чучелка, пирожокъ.

А Чучелка только высунула пирожокъ, —

старикъ ее—стукъ въ лобокъ да въ коробокъ.

А тамъ снова гуселькн наладилъ и пѣсню сызнова затянулъ.

— Вотъ,—говоритъ лиса, прослушавъ пѣсенку,—какая Чучелка разиня! Пошла и какъ въ воду канула. Пойди, Получучелка, подай пирожокъ.

А Получучелка только высунулась,—старикъ ее—тюкъ въ лобокъ да въ коробокъ. Такъ онъ всѣхъ дочекъ у лисы и забралъ.

Выбѣжала напослѣдокъ лиса, да какъ увидала въ чемъ дѣло, махнула въ лѣсъ, — только ее и видѣли.

Вошелъ старикъ въ избушку, а Петя-Пѣтушокъ сидитъ на печуркѣ и крыльями лхопаетъ. Взялъ онъ его и пошелъ домой во-свояси.

X. Пѣтухъ-вояка.

Петя-пѣтушокъ добрый былъ. Не только свою команду куринную оберегалъ, а и чужую звѣрюгу не давалъ въ обиду. Ходитъ по гумну взадъ-впередъ, самъ ничего не клюетъ, а отроетъ зерно, и кричитъ на все гумно:

— Эй, вы, барыни-курицы, собирайтесь со двора, съ улицы, извольте послушать, пожалуйте кушать запросто къ Пѣтушку-Ку-ка-ре-ку!..

Вотъ какой былъ вѣжливый.

А недалеко отъ деревни жили-были лиса да заяцъ. Сговорились они, стакались,—общими силами двѣ избушки устроить, чтобы сосѣдями бокъ-о-бокъ жить.

Лиса-краснобайка—не бездомный зайка; ей въ избѣ жить не привычно... Привыкла, княгиня, жить богато. Ей подавай хоромы! Вонъ оно что. Ну, хорошо,—построили лиса съ зайцемъ теремъ ледяной на диво,—горитъ онъ на солнышкѣ радугой красной! Только знатной звѣрюгѣ въ немъ и жить. Сталъ тутъ зайка просить, чтобъ лиса ему избушку строить помогла.

— Охъ, — говоритъ лиса, — не могу... Всю спину разломило!..

Такъ и дальше пошло: то у нея болитъ животикъ, то головка. А она сама — здоровехонька плутовка.

Ну, заяцъ подумалъ, погадалъ, затылокъ почесалъ, а потомъ и махнулъ лапой.—«Облажу, молъ, дѣло и безъ нея!..»—Раздобылъ лубокъ, выстроилъ домокъ—не хитрый, лубяной, — да ему что̀, было бы гдѣ отъ стужи укрыться.

Пришла весна-красна, у лисицы хоромы и растаяли, а у зайки избушка стоитъ по-старому.

Пришла лиса къ зайкѣ.

Пусти,—говоритъ,—обогрѣться!..

Заяцъ ее пустилъ,—а лиса его и выгнала. Ужъ такая она вообще безсовѣстная была.

Заплакалъ зайка:

— Что жъ это такое значитъ?

Идетъ дорогой и плачетъ. А навстрѣчу ему—собаки:

— Тяфъ, тяфъ, тяфъ, о чемъ, зайчикъ, плачешь?

Разсказалъ имъ зайчикъ, какъ дѣло было, а собаки и говорятъ:

— Тяфъ, тяфъ, тяфъ, мы ее выгонимъ, лису-то твою, живо!..

Пѣтухъ-воякъ.

Вотъ подходятъ онѣ къ лубяной избушкѣ и кричатъ:

— Тяфъ, тяфъ, тяфъ! Иди, лиса, вонъ отсюда, не то будетъ худо!

А лиса имъ и вопитъ съ пѣчи:

— Вотъ встану, разомну плечи, какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойду трепать,—только клочья полетятъ по закоулочкамъ.

Струхнули собаки и ушли. Пошелъ зайка прочь, идетъ да плачетъ, а навстрѣчу—медвѣдь. Ну, только и онъ, какъ ни старался, а лису не выгналъ. Онъ ей реветъ:

— Уходи, лиса, отсюда!..

А та ему:

— Охъ, косолапый, и тебѣ будетъ худо! Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойду трепать, только клочья полетятъ по закоулочкамъ!

Медвѣдь испугался и ушелъ.

Пошелъ зайка дальше и плачетъ, а навстрѣчу ему — быкъ. Только и быкъ ничего не могъ сдѣлать съ лисой; какъ услышалъ лисью угрозу,—задралъ хвостъ да со всѣхъ ногъ въ чащу!..

Идетъ опять зайка путемъ-дорогой и плачетъ-разливается. А навстрѣчу ему идетъ Петя-Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ, идетъ, косу на плечахъ несетъ. Остановился и спрашиваетъ:

— Ку-ка-реку!.. О чемъ, зайка, слезы ронишь?

— Отстань, Петя! — Какъ мнѣ не тужить, не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы хоромина ледяная. Попросилась она ко мнѣ обогрѣться да меня же потомъ и выгнала.

Распѣтушился Петя, разгнѣвался сударь. Чужое горе его за сердце взяло; вотъ онъ и говоритъ:

— Ладно, заячья твоя душа, пойдемъ со мной, я ее выгоню.

— Нѣтъ, Петя, не выгонишь. Это не на птичьемъ дворѣ. Собаки гнали, — не выгнали; медвѣдь гналъ, — не выгналъ; быкъ гналъ, — не выгналъ. И ты не выгонишь.

— Нѣтъ, выгоню! — говоритъ пѣтухъ, а самъ пыжится, шпорами бьетъ, гребешкомъ золотымъ трясетъ, — богатырь-богатыремъ!.. Тутъ ужъ его, знаете, за живое взяло недовѣріе зайки.

Вотъ пришли къ избушкѣ, пѣтухъ и завопилъ:

— Ку-ка-реку!..

„Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
„Несетъ косу на плечахъ,
„Хочетъ лиску сѣчи,
„По самыя плечи.
„Вонъ, лиса, вонъ, кума!“...

Лиса ему, было, въ отвѣтъ:

„Больно грозенъ голосище!..
„Вотъ тебя я, Пѣтушище,

„По колѣнамъ
„Да полѣномъ!“...

Пѣтухъ ухомъ не ведетъ, свое поетъ, косой машетъ:

„Стоитъ кочетъ на часахъ,
„Несетъ косу на плечахъ,
„Хочетъ лису сѣчи
„По самыя плечи.
„Вонъ, лиса!.. Вонъ, кума!“...

Видитъ лиса, шутки съ пѣтухомъ плохи; испугалась она и жалобнымъ голосомъ ему отвѣчаетъ:

— Сейчасъ выйду, батюшка, одѣваюсь...

А пѣтухъ свое поетъ, настойчиво требуетъ:

„Вонъ, лиса!.. Вонъ кума!“...

Лиса ему въ отвѣтъ:

— Опоясываюсь.

Звякнулъ Петя-Пѣтушокъ косой и запѣлъ:

„Стоитъ кочетъ на часахъ,
„Несетъ косу на плечахъ,
„Хочетъ лису сѣчи
„По самыя плечи.
„Вонъ, лиса! Вонъ, кума!“...

Лиса робко-робко пробормотала:

— „Сейчасъ, соколикъ! Шубу одѣваю!“...

Ну, ужъ тутъ Петя-Пѣтушокъ во все горло запѣлъ:

„Кукареку!
„Стоитъ кочетъ на часахъ,
„Держитъ косу на плечахъ,

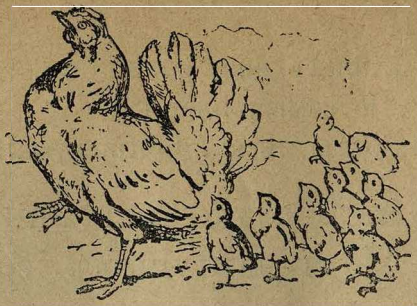
„Хочетъ лису сѣчи
„По самыя плечи.
„Вонъ, лиса!.. Вонъ. кума!“...

Тутъ ужъ лисѣ жутко и страшно стало,—она выбѣжала, а Петя-Пѣтушокъ ее косой ударилъ. Завыла лиса да сломя голову—въ чащу...

— Ахъ, Петя,—говоритъ заяцъ,—какой же ты храбрый! Давай вмѣстѣ жить, горе и радости дѣлить пополамъ, а я тебя въ обиду тоже не дамъ!..

Вотъ и сталъ Петя-Пѣтушокъ съ зайкой косоглазымъ въ лубяной хаткѣ жить-поживать да добра наживать.

XI. Бѣда съ Пѣтушкомъ.

Ходятъ курица съ пѣтушкомъ на барскомъ гумнѣ. Подавился пѣтушокъ бобовымъ зерномъ, ни моргнетъ, ни сдышитъ,—ровно мертвый лежитъ.

Сжалилась курочка, побѣжала къ рѣкѣ,—проситъ воды пѣтушка отпоить. Рѣчка говоритъ:

— «Поди къ липкѣ, попроси листокъ,—дамъ тебѣ воды!»...

Курочка—къ липкѣ:

— «Липка, липка, дай листу,—рѣчка водицы дастъ, отпою пѣтушка, онъ на гумнѣ подавился зерномъ бобовымъ, ни моргнетъ, ни дышитъ,—ровно мертвый лежитъ!»...

Липка въ отвѣтъ:—«Пойди къ дѣвушкѣ, попроси ниточку». А дѣвушка въ отвѣтъ:—«Пойди къ коровѣ, попроси молока!»... А корова стоитъ, молока не даетъ.—«Пойди,—говоритъ,—курочка, къ сѣнокосцамъ, попроси мнѣ сѣна!»...

Не даютъ сѣнокосцы сѣна.—«Пойди—говорятъ,—къ кузнецу, пусть намъ косу выкуетъ!»...—Не хочетъ кузнецъ косу ковать,—велитъ у мужиковъ угольевъ достать. Прибѣжала курочка къ мужикамъ, восплакалась:

— Мужички, мужички, работники, пожалѣйте меня, дайте угольевъ; я уголья кузнецамъ снесу, они косу выкуютъ, а я косу сѣнокосцамъ снесу,—они сѣна дадутъ. А я сѣно коровѣ снесу—она мнѣ молока надоитъ; а я молоко дѣвушкѣ снесу,—она нитку дастъ; а я нитку липкѣ снесу,—липка листу дастъ; а я листъ рѣкѣ снесу,—рѣчка водицы дастъ; а я воду пѣтушку снесу,—онъ, сердечный лежитъ на гумнѣ барскомъ подавился зерномъ бобовымъ,—не моргнетъ, не дышитъ, ровно мертвый лежитъ!..

Сжалились мужики надъ курочкой, насыпали угольевъ полонъ мѣшокъ, въ глиняный горшокъ, сковали кузнецы косу на-славу; накосили косари сѣна, снесла курочка сѣна коровѣ, дала корова молока; курочка молоко дѣвушкѣ снесла, дѣвушка нитку дала; а курочка нитку липкѣ снесла, на листъ промѣняла да съ листомъ къ рѣкѣ побѣжала, почерпнула водицы, бѣжитъ и боится, живъ ли Петя-Пѣтушокъ-Золотой-Гребешокъ?

А онъ, сердечный, какъ подавился на гумнѣ зерномъ бобовымъ,—такъ глазомъ не моргнетъ, не дышитъ, ровно мертвый лежитъ.

Тутъ моя курочка его водицей отпоила, его малость побранила, а о своихъ маятахъ утаила, слова не проронила. Да вѣсть о томъ сама собой прошла про курочкины дѣла, — сколько изъ-за всякой малости горя да трудовъ принимать иной разъ приходится курочкѣ безобидной!..

Всесоюзная Научно-
БИБЛИОТЕКА
им. Э. И. Ш.
Экспериментальная Институт

НАШИ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

„Въ досужій часъ“ Дѣтскій альманахъ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Разсказы, сказки, занятія, шутки, стихи, рисунки и проч.

ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ.

Цѣна 1 р., 50 к. съ пересылкой 1 р. 70 к.

„Хорошая компанія“

Разсказы, сказки, стихотв. и шутки

А. А. Ѳедорова-Давыдова.

Со многими рисунками въ текстѣ.

Крупный шрифтъ, плотная бумага, изящная обложка.

Цѣна въ папкѣ 75 коп., съ пересылкой 90 к.

„Безродный мальчикъ“.

Повѣсть м-ссъ Джемиссонъ Съ англ. А. Н. Рождественской.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 к.

„Жилъ-былъ мальчикъ“.

Повѣсть изъ прошлаго А. А. Ѳедорова-Давыдова.

2-е изданіе съ рисунками А. А. Кучеренко.

Цѣна 60 коп., съ перес. 75 к.

„Истые рыцари“.

Повѣсти и разсказы А. А. Ѳедорова-Давыдова.

Роскошное изданіе, большой томъ со многими рисунками.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

„Царевна-лягушка“.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА ВЪ СТИХАХЪ

А. Ѳедорова-Давыдова.

Съ оригинальными рис. В. В. Спасскаго.

Цѣна 50 к., съ пересылкой 65 к.

„ПРОКАЗНИКЪ ПИПЪ“.

ИЗЪ ИСТОРІИ МЫШОНКА.

Съ рисунками и виньетками Н. Бартрамъ.

4-е изданіе.

Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 к.

„Что сердце говоритъ“.

Разсказы и сказки А. А. Ѳедорова-Давыдова.

Съ рисунками.

Цѣна 40 к., съ пересылкой 55 к.

„КАКЪ ЖИВОТНЫЯ ВОСПИТЫВАЮТЪ СВОЮ ДѢТВОРУ“.

Разсказы Н. Скворцова.

Цѣна 25 к., съ перес. 35 к.——Съ рисунками.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

1) Редакція „СВѢТЛЯЧОКЪ“, „ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“, „ДѢЛО и ПОТѢХА“.
Москва, М. Дмитровка, д. 6.

2) Кн. магаз. Н. ЛИДЕРТЪ. Москва, Петровскія Линіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 г.

1) ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

„СВѢТЛЯЧОКЪ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV-й.

О. О. У. К. М. Н. П. **ДОПУЩЕНЪ** къ выпискѣ по предварит. подпискѣ въ городск. учил., дѣтск. сады и пріюты, въ безпл. народн. читальни и библ. и для публ. народн. чтеній и въ средн. учебн. завед. **Удостоенъ на выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ серебряной медали.**

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА.

26 ПРЕМІЙ: игры, занятія, работы, лото, кубики, калькомани и проч.

Въ числѣ премій будутъ даны

1 ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ съ текстомъ и рис.

1 листъ «Крестьянское хозяйство»

2 новыя оригинальныя игры.

1 альбомъ „Какъ учиться рисовать“

1 театръ „Петрушка“, съ подвижными фигурами. При немъ описаніе устройства и 4 піески.

1 ОПЕРА „Грибной переполохъ“

1 книжка „Петя-Пѣтушокъ“. Русскія нар. сказки.

1 книжка „Кума-Лиса“. Русскія народныя сказки.

6 рисунковъ въ краскахъ.

6 листовъ „Самодѣльныя игрушки“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На **1** ГОДЪ съ перес. . . **3** р. — к. || На $^1/_2$ ГОДА съ перес **1** р. **50** к.
На **1** ГОДЪ безъ перес **2** „ **50** „ || На **1** ГОДЪ за границу **6** „ — „

Редакторы-издатели М. Ѳ. Лидертъ, А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.

---

2) ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II-й.

Ос. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **РАЗРѢШЕНЪ** къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ безплатн. народн. библ., въ низшія и среднія учебныя заведенія.

24 тетради иллюстрированнаго журнала

24 ПРЕМІЙ: игры, занятія, работы, въ составъ которыхъ войдутъ:

12 выпусковъ „КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ“. изданія съ иллюстр. Г. ДОРЭ.

1 ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ съ текстомъ и рисунками.

1 СИНЕМАТОГРАФЪ — панорама движущихся фигуръ, полное устройство его и 6 полосъ двигающихся фигуръ.

6 премій игръ работъ, занятій.

1 сборникъ театральныхъ піесъ.

2 листа „МЕХАНИЧЕСКІЯ ИГРУШКИ“, и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На **1** ГОДЪ съ перес. . . **3** р. — к. || На $^1/_2$ ГОДА съ перес **1** р. **50** к.
На **1** ГОДЪ безъ перес. . **2** „ **50** „ || На **1** ГОДЪ за границу **6** „ — „

---

3) НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ РАБОТЪ и РАЗВЛЕЧЕНІЙ

„ДѢЛО и ПОТѢХА“

Матеріалъ приспособленъ для младшаго и средняго возрастовъ.

12 №№ ЖУРНАЛА съ рисунками.

15 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

ПРОГРАММА:

1. Ручной трудъ, работы, занятія, ремесла. 2. Кустарный промыселъ, описаніе быта и производствъ. 3. Работы и занятія, очерки по садоводству, огородничеству, и проч. 4. Естественно-историческіе очерки и разсказы. 5. Открытія и изобрѣтенія. 6. Жизнь человѣка. 7. Совѣты и свѣдѣнія. 8. Подвижныя игры. 9. Шарады, загадки, шутки и проч. 10. Разсказы, сказки, пьесы.

Подписная цѣна: при подпискѣ въ конторѣ журн., въ кн. маг. Н. Лидертъ и въ конторѣ Н. Печковской, Москва, на 1 ГОДЪ съ доставкой и пересылкой

ОДИНЪ РУБЛЬ.

Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ—1 р. 20 к.

За границу **2** руб.

Редакторъ-издатель **А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.**

Редакція и контора журналовъ: Москва, М. Дмитровка, д. № 6. **Отдѣленіе конторы:** Кн. маг. Н. Ѳ. Лидертъ, Москва, Петровскія Линіи.

2012402494